

Данъ 1876 Амгѣ

НЕКРОЛОГЪ А. П. ЩАПОВА.

На дняхъ получена печальная новость о смерти А. П. Щапова въ Иркутскѣ. „De mortuis aut bene, aut nihil“ (мертвыхъ или хвали, или молчи о нихъ), говорили древніе, руководимые благоговѣйнымъ страхомъ къ своимъ усопшимъ, и чтити память ихъ лъстивыми панегириками. Мы живемъ не въ эпоху классической лести и рабского благоговѣнія къ праху своихъ мертвецовъ; нисколько не оскорбляя ихъ памяти, мы можемъ относиться къ нимъ такъ-же критически, какъ относимся и къ живымъ людямъ. Искренность и безпристрастіе — лучшая дань, какую только мы можемъ положить на могилу человека, не безслѣдно прошедшаго свое земное поприще, — и въ этомъ отношеніи мы умнѣе и честнѣе древнихъ. Лъстить живому — пошло, лъстить мертвому — глупо, и когда рѣчь идетъ о смерти общественнаго дѣателя, то умалчивать объ его недостаткахъ — значитъ не уважать его и бояться, что тѣневые черты его характера затушаютъ собою его свѣтлый и прекрасный профиль. Мы искренно уважали и любили Афонасія Прокопьевича Щапова, и считали-бы величайшимъ оскорбленіемъ для его памяти, если-бы преднамѣренно не высказали въ настоящую минуту того, что мы чувствуемъ и думаемъ о немъ, надъ его свѣжей и скромной могилой.

Щаповъ справедливо гордился тѣмъ, что онъ истинный сынъ народа. Отецъ его былъ бѣдный сельскій дьячокъ, жившій не столько церковными доходами, сколько крестьянскимъ трудомъ; мать его была тунгусскаго происхожденія и передала сыну типическія черты своей фizioноміи, оливковый цвѣтъ кожи и ту живость темперамента, которою отличаются тунгузы. Щаповъ родился въ селѣ Амгѣ, иркут-

ской губерніи, въ 1830 году. Раннее дѣтство свое онъ провелъ, какъ водится, въ бѣдной избушкѣ своего отца, «среди полей и природы», вмѣстѣ съ двумя братьями, которые не далеко уходили отъ него по возрасту. Еще ребенкомъ Щапова и его брата бѣдный отецъ долженъ былъ отвезти и отдать на казенное содержаніе въ иркутскую бурсу. Иркутская бурса того времени была ужасна, и судя по преданіямъ, которыя до сихъ поръ сохраняются о ней, она была гораздо ужаснѣе бурсы, описанной Помяловскимъ. Бурсаки жили въ тѣсныхъ, сырыхъ помѣщеніяхъ, которыя, въ добавокъ ко всему, еще не отапливались зимою, ѣли впроголодь, одѣты были въ ветхіе халатишки, ходили большею частію босикомъ, и Щаповъ, бывало, съ добродушнымъ смѣхомъ вспоминалъ, какъ ему, въ качествѣ класснаго цензора, доводилось часто записывать въ журналъ, что такіе-то «не были въ классѣ *по неимѣнію обуви*, а такіе-то *он неимѣнію одежды*». Тѣлесныя наказанія свирѣпствовали во всей бурсацкой силѣ. Въ важныхъ случаяхъ бурсаковъ сѣкли среди обширнаго семинарскаго двора, и на звуки большого семинарскаго колокола, звонившаго во все время наказанія, собиралась многочисленная публика. Побѣги были постоянные и нерѣдко случалось, что бурсаки убѣгали изъ своей каторги за 500, даже за 1,000 верстъ. Смирные и способные братья Щаповы вели себя всегда скромно, учились хорошо, и поэтому страдали отъ розогъ меньше другихъ, но за то ихъ нѣжныя натуры грызла тоска по дому, по матери и угнетала нищета. Въ отрывкѣ изъ своихъ воспоминаній, напечатанномъ въ «Искрѣ» 1862 года (*„Изъ бурсацкаго быта“*), Щаповъ рассказываетъ, съ какимъ страстнымъ нетерпѣніемъ онъ и братъ его ожидали обыкновенно каникулъ, на которые отецъ ихъ увозилъ домой. Вотъ, наконецъ, наступаетъ это вожделѣнное время, отецъ пріѣзжаетъ на своей лошади; при свиданіи съ нимъ дѣти плачутъ отъ радости, отецъ плачетъ отъ печали при видѣ той нищеты, въ которой прозябали они; у нихъ нѣтъ даже гребня и волосы и бѣлье ихъ засыпаны наѣдками; отецъ уводитъ ихъ въ скрытое мѣсто двора, за полѣнницу дровъ, и тамъ, продолжая плакать, очищаетъ ихъ щепкою отъ грязи. Вотъ они, наконецъ, поѣхали, и горя какъ не бывало, едва только они выѣзжали за черту города, за которою имъ попадались на глаза живая Ушаковка, грозная Ангара, горы, Лена. Пробывъ шесть лѣтъ въ бурсѣ, или въ духовномъ уѣздномъ училищѣ, Щаповъ перешелъ въ семинарію и съ прежнимъ успѣхомъ началъ поглощать всевозможныя семинарскія науки, счетомъ до 40, начиная съ схоластической логики и

какой-нибудь герминеvтики и кончая сельскимъ хозяйствомъ. Хотя онъ всегда былъ первымъ, но не очень высоко цѣнилъ въ это время свои способности, имѣлъ самое скромное мнѣніе о своихъ дарованіяхъ, и когда его, по окончаніи курса, отправили на казенный счетъ въ казанскую духовную академію, то Щаповъ боялся не выдержать экзамена и быть отосланнымъ съ позоромъ обратно въ Иркутскъ. Но эти опасенія были результатомъ излишней скромности, которая скоро исчезла, и Щаповъ, сравнивая себя съ остальными студентами и профессорами, убѣдился, что и онъ не хуже другихъ. Казанская академія въ это время во многихъ отношеніяхъ была не лучше семинаріи. Въ ней господствовали старинная схоластика и строжайшая монашеская дисциплина; самыми страшными, чуть не уголовными преступленіями, считались куреніе табаку и ношеніе короткаго сюртука!.. Но среди профессоровъ и студентовъ были уже представители новаго, лучшаго духа, немирившіеся ни съ заскоруждой схоластикой, ни съ келейно-казематной дисциплиной. Съ кафедры слышалось уже живое, раціональное слово профессора математики Гусева, смѣло разбивавшаго систему семинарской схоластики, и профессора русской исторіи, Елисеѣва. Щаповъ въ академіи болѣе всего лежалъ душою къ естественнымъ наукамъ, къ изученію природы, которую любилъ горячо и сознательно. Но въ академіи, съ ея схоластической доктриной, естествознанія не полагалось и Щаповъ обратился къ изученію русской исторіи. Богатая старинными рукописями бібліотека Соловецкаго монастыря, принадлежащая нынѣ казанской академіи, доставила ему много полезныхъ пособій и матеріаловъ. Молодому студенту было также очень полезно знакомство съ профессоромъ славянскихъ нарѣчій въ казанскомъ университетѣ, добѣйшимъ В. И. Григоровичемъ, и профессоромъ Ешевскимъ, обратившимъ его вниманіе на важное значеніе исторіи колонизаціи, надъ которою Щаповъ долго работалъ. Первымъ замѣчательнымъ трудомъ Щапова была его магистерская диссертація: «Русскій расколъ старообрядства». Въ этой книгѣ много совершенно новыхъ фактовъ, новыхъ взглядовъ и выводовъ, но общее ея направленіе осталось далеко не выясненнымъ. Тѣмъ не менѣе книга была событіемъ въ нашемъ ученомъ мірѣ и, встрѣтивъ общій сочувственный отзывъ, выдержала въ короткое время два изданія. Вторымъ печатнымъ произведеніемъ Щапова была рѣчь, читанная имъ, уже какъ профессоромъ, на академическомъ актѣ и изданная отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ: «Голосъ древней русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей». Этотъ выборъ темы, навѣянный вопросомъ объ освобожденіи

крестьянъ, показываетъ, что въ то время, какъ Щаповъ вступалъ на академическую кафедру, духъ 60-хъ годовъ проникъ уже даже въ стѣны духовной академіи.

Впрочемъ, говоря объ обновленіи академіи, мы не имѣемъ въ виду ея тогдашнихъ профессоровъ, большинство которыхъ было рѣшительно недоступно духу времени. Одинъ, по старымъ, запlesenнѣвшимъ тетрадамъ, читалъ по Шевыреву исторію русской литературы и эстетику по Давыдову. Другой читалъ исторію по тетрадямъ, купленнымъ имъ лѣтъ за тридцать, за двѣсти, говорятъ, рублей, и читалъ, надо отдать ему справедливость, такъ громко, что буквально дрожали стекла въ окнахъ. Третій, изъ людей молодыхъ, читалъ исторію философіи въ духъ Бурачка и Асоченскаго, имѣлъ постоянно видъ ошалѣлый и побивалъ все, еже не отъ міра сего... Понятно, что среди такихъ ученыхъ мужей даже человѣкъ съ меньшимъ талантомъ, чѣмъ Щаповъ, сразу пріобрѣлъ-бы всѣ симпатіи студентовъ. На лекціи Щапова собирались рѣшительно всѣ, даже больные изъ больницы, ходили даже студенты университета. Щаповъ читалъ сначала о развитіи народнаго міросозерцанія, потомъ исторію колонизаціи, о земскихъ соборахъ, о царствованіи Годунова и смутномъ времени и т. д. Произношеніе его было чрезвычайно невнятно, языкъ тяжелъ, читалъ онъ такъ скоро, что шутники говорили, будто-бы онъ въ одну лекцію можетъ прочесть всю свою толстую книгу о расколѣ; но его взгляды и выводы были такъ новы, такъ оригинальны, его изложеніе возвышалось иногда до такой художественности, въ его глазахъ горѣла такая страсть и въ его словъ дышало такое чувство, что восторженные слушатели прощали Щапову всѣ его недостатки. А недостатковъ этихъ было не мало. Щаповъ работалъ непрерывно и неутомимо, но его страстная натура рѣшительно была неспособна къ регулярному, систематическому труду профессора. Не кончивъ своего курса о міросозерцаніи, онъ началъ курсъ о колонизаціи, но и его не кончилъ, а сталъ читать отдѣльныя монографіи, напр., характеристику царевны Ксении, и т. д. Нерѣдко бывало, что студенты соберутся и съ нетерпѣніемъ ждутъ лекціи, но неприготовившійся Щаповъ начинаетъ читать имъ Нестора! Бывало и еще хуже. Къ тогдашнему профессору герминеvтики студенты обыкновенно не ходили на лекціи, что его не мало огорчало. И вотъ студенты соберутся на лекцію Щапова, а Щаповъ, къ большому удовольствію герминеvтики, просить ее замѣнить себя и, къ общему негодованію студентовъ, вмѣсто талантливаго профессора является жалкая, маленькая, черненькая,

всѣми ненавидимая герминевтика. Вслѣдствіе упомянутыхъ обстоятельствъ, Щаповъ нерѣдко ссорился со студентами и вообще не очень сближался съ ними, кромѣ своихъ земляковъ, съ которыми онъ былъ всегда друженъ чисто по-товарищески. Жилъ онъ на казенной квартирѣ, въ двухъ маленькихъ, грязненькихъ комнатахъ академическаго флигеля и получалъ всего жалованья 30 рублей. Въ это время онъ трудился чрезвычайно много, составляя курсы своихъ лекцій и помѣщая множество интересныхъ церковно-историческихъ статей въ издающемся при академіи «Православномъ Собесѣдникѣ» (1858—1861 гг.). Онъ рассказывалъ намъ, какъ онъ, приготавливая во время каникулъ свой первый курсъ академическихъ лекцій, писалъ обыкновенно со стаканомъ чая, стоявшимъ подлѣ него. Но чай часто уже не освѣжалъ молодого ученаго, работавшаго чуть не по цѣлымъ суткамъ, и вотъ онъ къ чаю началъ понемногу прибавлять ромъ. Ромъ придавалъ новыя силы, фантазія оживлялась, перо быстро бѣгало по бумагѣ и работа шла чрезвычайно быстро, успѣшно. Но прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и Щаповъ до того уже привыкъ къ вину, что его дальнѣйшая печальная судьба была уже несомнѣнна. Часто въ своей душной комнатѣ, наполненной ѣдкимъ дымомъ сигары, окруженный пустыми бутылками отъ рома, шкаликами и полуштофами, пьяный Щаповъ, въ своемъ засаленномъ халатѣ, истерически рыдалъ, проклиная водку, проклиная бурсу и академію, которыя ничего полезнаго не сдѣлали для него, проклиная все, что ненавидѣла его страстная душа. Въ эти минуты на него невозможно было смотрѣть безъ слезъ и страха, и трудно было успокоить его. Часто Щаповъ доходилъ до того состоянія нервной раздраженности и безотчетнаго страха, которое непосредственно предшествуетъ бѣлой горячкѣ. Въ это время онъ писалъ обыкновенно своему пріятелю, медицинскому студенту пятаго курса, Россову, лаконическую записку: «Россовъ, у меня что-то въ родѣ *delirium tremens*». Россовъ являлся и скоро поправлялъ его. Поступивъ въ число академическихъ студентовъ осенью 1860 г., я съ первыхъ-же дней, въ качествѣ земляка, сошелся съ Щаповымъ и онъ почему-то началъ смотрѣть на меня, какъ на своего преемника на академической кафедрѣ. Вообще, онъ увлекался сибириками и не любилъ великороссовъ. Въ душѣ его жила постоянная потребность любви и дружбы, но культура бурсы и ветхозавѣтной академіи помѣшала естественному развитію его прекрасныхъ природныхъ свойствъ, хотя и не въ состояніи была окончательно подавить ихъ. Страстная и сильная натура Щапова отчаянно рвалась на

свободу, но въ ней было столько огня, что огонь этотъ, при данныхъ условіяхъ, долженъ былъ быстро разрушить его организмъ. Полученное имъ въ академіи общее образованіе было довольно жалкое, особенно по части столь важныхъ для историка политическихъ и социальныхъ наукъ, не говоря уже объ естественныхъ. Но Щаповъ не переставалъ учиться, читать и жадно прислушивался къ каждому звуку обновившейся тогда общественной жизни. Но какъ ни жива, какъ ни увлекательна была эта жизнь, Щаповъ не удовлетворялся ею и часто повторялъ извѣстные стихи Шевченки —

И день идетъ, и ночь идетъ,
И голову схвативши въ руки,
Дивуешься, зачѣмъ неидетъ
Апостолъ правды и науки!..

Въ 1860 г. на филологическомъ факультетѣ казанскаго университета почти всѣ главные кафедры были пусты, и при содѣйствіи В. И. Григоровича тогдашній попечитель, кн. П. П. Вяземскій, предложилъ Щапову кафедру русской исторіи. Щаповъ съ увлеченіемъ началъ готовить лекціи, хотя нѣсколько боялся, какъ-бы не «провалиться». Университетскіе студенты, знавшіе Щапова только по слуху, относились къ нему тоже недовѣрчиво, хотя и ожидали его съ большимъ любопытствомъ. На первую лекцію собралось столько слушателей, что они не могли помѣститься ни въ одной аудиторіи и должны были перейти въ актовую залу. Въ этой вступительной лекціи Щаповъ сдѣлалъ общій очеркъ русской исторіи съ точки зрѣнія «народности и областности». Новость взглядовъ, страстность рѣчи, мѣстами художественность изложенія—все это произвело взрывъ восторга въ слушателяхъ, и каждая слѣдующая лекція была новымъ триумфомъ Щапова. Мѣсяца два въ Казани только и говорили, что о Щаповѣ. Но его неспособность къ регулярной профессорской дѣятельности скоро обнаружилась и въ университетѣ. Въ перемежку съ превосходными лекціями онъ читалъ иногда какія-то скучнѣйшія тетрадки о колонизаціи, иногда онъ вовсе пропускалъ лекціи. Результатъ былъ тотъ-же, что и въ академіи,—нѣкоторое охлажденіе между профессоромъ и студентами. Между товарищами Щапова нашелся даже такой завистникъ, который началъ, говорили, настраивать противъ него нѣкоторыхъ студентовъ; дѣло доходило до того, что Щаповъ хотѣлъ выйти изъ университета, но студенты упростили его остаться. Впрочемъ, профессорская дѣятельность Щапова въ университетѣ продолжалась не долго, съ осени 1860 г. и до 16 апрѣля 1861 года.

Было свѣтлое апрѣльское утро, когда толпы студентовъ, невходившія въ тѣсную квартиру Щапова, наполняли и ее, и коридоръ, и крыльцо академическаго флигеля. Щаповъ долженъ былъ уѣхать въ Петербургъ. Трогательно было это прощаніе, и Щаповъ плакалъ... По пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ только осенью могъ приняться за литературную работу и началъ помѣщать въ «Отечественныхъ Запискахъ» извѣстныя свои статьи «Великорусскія области и смутное время», «Земскій соборъ 1649 и собраніе депутатовъ 1767 гг.», «Земство и расколъ». Для изученія раскола ему открыли архивы министерства внутреннихъ дѣлъ и дали даже хорошее жалованье. Но для занятій въ архивахъ нужно было постоянно ходить въ министерство, а это было рѣшительно не въ характеръ Щапова, и потому, извлекши изъ архива нѣсколько матеріаловъ, онъ пересталъ его посѣщать, и архивы закрылись для него. По министерскимъ матеріаламъ имъ составлена извѣстная монографія «Бѣгуны», помѣщенная во «Времени» 1862 года.

Нѣсколько славянофильское увлеченіе народомъ, взглядъ на расколъ, какъ на сознательный протестъ, — вотъ отличительныя черты его дѣятельности въ этотъ періодъ, когда Щаповымъ могли увлекаться даже такіе почвенники, какъ Аннонъ Григорьевъ. Но уже въ Петербургѣ превосходною статью „На рубежѣ двухъ тысячелѣтій“ («Современное Слово», 1863 г.) начался третій, самый блестящій періодъ его дѣятельности.

Когда я пріѣхалъ въ Петербургъ, въ январѣ 1862 года, я нашелъ Щапова живущимъ въ маленькой квартиркѣ меблированныхъ комнатъ въ домѣ Фридрихса. Въ отдѣльномъ номерѣ, но въ томъ-же коридорѣ, жилъ П. А. Мулловъ, а по сосѣдству съ ними поселился и я. Цѣлый годъ жили мы съ Щаповымъ въ этихъ меблированныхъ комнатахъ и въ это время я узналъ его еще больше, чѣмъ въ Казани. Въ Петербургъ онъ пріѣхалъ больнымъ, и хотя лечился здѣсь, но неправильно... Во время кутежей ему иногда приходили въ голову самыя странныя фантазіи, которыми онъ съ живостью ребенка спѣшилъ дѣлиться со мною. Однажды, напр., ночью онъ изо всей силы стучится ко мнѣ и кричитъ: «Отворите, землякъ,—дѣло есть». Я отворилъ. «Что такое?» — «Я литературный вечеръ устрою въ пользу студентовъ и пригласу пѣть примадонну (онъ называлъ ее по фамиліи, но я теперь позабылъ),—пусть она пропоетъ только (и онъ началъ самъ пѣть, изображая примадонну):

Собирайтесь, дѣвки красны,
Собирайтесь въ хороводъ,
Скоро день настанетъ ясный,
Скоро солнышко взойдетъ!

«Только эти четыре стиха и пропоетъ пусть, больше ничего не надо!» Подобныхъ наивныхъ фантазій у Щапова было во время его кутежей безчисленное множество и разубѣждать его въ нихъ—значило-бы затѣвать ссору; онъ защищалъ ихъ съ яростью фанатика и начиналъ ругаться. Въ Петербургѣ несчастная страсть овладѣла имъ еще сильнѣе, чѣмъ въ Казани. Изъ литераторовъ онъ особенно любилъ покойнаго Курочкина, и мнѣ никогда не забыть, какъ лѣтомъ 1862 г. они жили на дачѣ въ Павловскѣ. Каждый изъ нихъ занималъ одиннадцатъ комнатъ, Курочкинъ въ нижнемъ, а Щаповъ въ верхнемъ этажѣ. Когда я въ первый разъ пріѣхалъ въ эту квартиру Щапова, то чуть было не заблудился въ лабиринтѣ ея одиннадцати большихъ комнатъ, изъ которыхъ только въ двухъ была мебель да въ передней стоялъ диванъ. Щапова не было, въ квартирѣ прислуги тоже никакой не было, но я расположился какъ дома у огромнаго обѣденнаго стола, стоявшаго въ средней комнатѣ, на которомъ были самоваръ, чайникъ, стаканы, ромъ, икра, яйца и т. д. Я не буду рассказывать тѣхъ грустныхъ и вмѣстѣ комическихъ сценъ, которыя навѣрное-бы разсмѣшили читателя, но безчеловѣчно смѣяться надъ свѣжей, дорогой могилой... Вино не только разрушало могучую натуру Щапова, но и доводило его до самыхъ непріятныхъ и компрометирующихъ столкновений. Подъ вліяніемъ винныхъ паровъ онъ рѣшительно не въ состояніи былъ хоть сколько-нибудь сдерживать свои страстные порывы, ни въ частныхъ домахъ, ни въ публичномъ мѣстѣ. Въ подобномъ состояніи онъ бывалъ иногда даже слишкомъ поверхностнымъ цѣнителемъ людей и наносилъ имъ незаслуженныя оскорбленія. Мы помнимъ, какъ на одномъ вечерѣ онъ отказался подать руку и съ бранью отвернулся отъ покойнаго писателя и переводчика П. А. Бибикова, который съ восторгомъ бросился ему на-встрѣчу, потряхивая, по обыкновенію, своими густыми эполетами... Передъ однимъ только человѣкомъ пасовалъ Щаповъ,—передъ г. Е., отъ котораго онъ старался скрывать, какъ школьникъ, свои похождения.

Еще весною 1863 года Щаповъ долженъ былъ ѣхать на мѣсто своей родины, въ село Амгу, уже больной, и болѣзнь его разыгралась до такой степени, что онъ вынужденъ былъ отправиться въ

клинику Заблочно-Десятовскаго. Здѣсь въ то время лежалъ и Помяловскій, и оба они вмѣстѣ съ Щаповымъ не столько лечились, сколько губили себя... Когда Помяловскій вышелъ, Щаповъ нѣсколько оправился, началъ лечиться и работать. Его сильно поддерживала въ это время взаимная любовь къ очень развитой и умной дѣвушкѣ, Ольгѣ Ивановнѣ Меліоранской, на которой онъ потомъ и женился въ Сибири. Осенью 1863 года болѣзнь заставила меня оставить Петербургъ и отправиться въ Сибирь; цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ я не имѣлъ никакихъ извѣстій о Щаповѣ. Но какъ-то въ маѣ 1864 года, когда я жилъ въ Красноярскѣ, мнѣ приносятъ записку, въ которой Щаповъ пишетъ, что, не имѣя никакой возможности быть у меня, онъ зоветъ къ себѣ въ гостинницу. Я немедленно пошелъ. Оказалось, что онъ, вмѣстѣ съ Ольгой Ивановной и еще съ третьимъ постороннимъ лицомъ, отправляется на свою родину, въ Амгу. Щаповъ съ радостью передавалъ мнѣ, что онъ бросилъ пить, что онъ серьезно занимается естественными науками и надѣется ввести естествонаучный методъ въ обработку русской исторіи. Я порадовался за него, и мы разстались. Затѣмъ начался лучший періодъ литературной дѣятельности Щапова, ознаменованный его статьями (въ «Русскомъ Словѣ», «Дѣлѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ») «Объ историко-географическомъ распредѣленіи русскаго народонаселенія», о народонаселеніи Сибири, объ умственномъ развитіи русскаго народа, объ умственныхъ направленіяхъ раскола, объ естественно-психологическихъ условіяхъ развитія русскаго народа, о положеніи женщины въ Россіи до Петра и т. д. Особенно хороша его книга «Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа», составляющая отрывокъ изъ громаднаго, неоконченнаго труда объ умственномъ развитіи русскаго народа. Хотя языкъ Щапова такъ-же неуклюжъ, какъ былъ и его почеркъ, хотя въ нѣкоторыхъ своихъ выводахъ онъ былъ иногда парадоксаленъ и не совсѣмъ точенъ, хотя онъ въ своихъ произведеніяхъ часто повторялся до утомительности,—но въ нихъ онъ обнаружилъ такой могучій умъ изслѣдователя, такой замѣчательный талантъ публициста и даже дарованіе художника, что его имя должно навсегда остаться въ исторіи русской литературы. Онъ поставилъ изученіе русской исторіи на твердую почву естествознанія и расчистилъ путь тѣмъ своимъ будущимъ преемникамъ, которые могутъ повести это дѣло далѣе, если имъ только суждено будетъ дѣйствовать при условіяхъ, болѣе благо-

пріятныхъ, чѣмъ тѣ, которыя помѣшали полному развитію первостепеннаго таланта Щапова.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Щапова лѣтомъ 1865 года, въ Омскѣ. Дорогою въ Омскъ Щапова разнесли лошади, онъ былъ выброшенъ изъ повозки и, зацутавшій въ возжахъ, долго тащился по землѣ. У него произошло растяженіе сухожилій на обѣихъ ногахъ, и прежде, чѣмъ отправиться въ Иркутскъ, онъ нѣкоторое время долженъ былъ лечиться въ Омскѣ. Когда я видѣлъ его въ домѣ жандармскаго полковника Рыкачева, онъ изучалъ зоологію, мечталъ о будущихъ трудахъ, рвался домой къ работѣ и, какъ ребенокъ, радовался тому, что, устроившись въ «Русскомъ Словѣ», онъ можетъ не поступать на службу и въ состояніи жить однимъ литературнымъ трудомъ. Нужно замѣтить по поводу этой радости, что въ Петербургѣ Щаповъ постоянно нуждался, частію потому, что не дорожилъ деньгами и скоро растрачивалъ ихъ, а частію вслѣдствіе обстоятельствъ, въ родѣ слѣдующаго. Въ 1862 году, когда Щаповъ не захотѣлъ болѣе уже имѣть дѣла съ тогдашними «Отеч. Зап.», а другіе журналы были временно прекращены, онъ отдалъ своихъ «Бѣгуновъ» во «Время». Осенью онъ сильно нуждался, но покойный редакторъ «Времени», Михаилъ Достоевскій, очень долго затягивалъ уплату слѣдующихъ ему денегъ. Настали холода, а у Щапова не было даже теплаго платья. Наконецъ, онъ вышелъ изъ себя, попросилъ къ себѣ Достоевскаго и при мнѣ произошла у нихъ слѣдующая сцена.—«Подождите-съ, Афонасій Прокопьевичъ,—черезъ недѣлю я привезу вамъ всѣ деньги», говорилъ Достоевскій.—«Да поймите-же вы, наконецъ, что мнѣ деньги сейчасъ нужны».—«На что же сейчасъ-то?» — Теплаго пальто вонъ у меня нѣтъ, платья нѣтъ». — «А знаете-ли что, у меня знакомый портной есть; у него все это въ кредитъ можно купить, я послѣ заплачу ему изъ вашихъ денегъ». И Достоевскій повезъ Щапова къ портному еврею, который снабдилъ историка какимъ-то пальто, сюртучкомъ, жилетомъ и штанами весьма сомнительнаго свойства и поставленными въ счетъ очень дорого, на что потомъ жаловался даже непрактическій Щаповъ. Щаповъ имѣлъ возможность избавиться отъ жительства въ мѣстѣ своей родины, Амгѣ, и остаться въ Иркутскѣ, гдѣ на его рукахъ было семейство его умершаго брата, священника. Въ Иркутскѣ Щаповъ много занимался и мѣстными вопросами, участвовалъ въ ученой экспедиціи къ устьямъ Енисея, работалъ въ сибирскомъ отдѣлѣ географическаго общества, а въ послѣднее время занимался изслѣдованіемъ ленской

общины, и передъ самою своею смертію готовилъ общанную имъ статью для сборника газеты «Сибирь». Трудно было жить и работать Щапову въ Иркутскѣ, гдѣ нѣтъ ни порядочной библіотеки, ни людей, которые могли-бы дѣйствовать оживляющимъ образомъ. Щаповъ, конечно, держалъ себя съ полнымъ сознаниемъ своего достоинства, велъ совершенно уединенную жизнь и тѣмъ возбуждалъ во многихъ противъ себя злобу. Даже во время своихъ прогулокъ ему приходилось иногда слышать такія лестныя для себя восклицанія проходящихъ: «У-у, большоголовый, косматый». Провинція душила его, и, продержавшись нѣсколько времени, онъ запыль,—запыль ужасно, хуже прежняго. Самоотверженная жена поддерживала его, но даже ея любящая самоотверженность была не въ состояніи бороться съ несчастною страстью мужа. Такая жизнь разрушила здоровье несчастной Щаповой и она умерла въ началѣ 1875 года. Для Щапова это былъ ужасный, смертельный ударъ, а вмѣстѣ съ этимъ горемъ его поразила другая бѣда—крайняя бѣдность. Кажется, безпорядочная жизнь и упомянутое горе сильно подѣйствовали, хотя, можетъ быть, и временно, на блестящій талантъ Щапова. Присылавшіяся имъ въ послѣднее время въ Петербургъ статьи были до того слабы и вялы, что не годились для печатанія. Литературный трудъ, такимъ образомъ, пересталъ быть источникомъ дохода, и Щаповъ очутился въ нищетѣ. Въ своихъ привычкахъ онъ былъ чрезвычайно простъ и при нуждѣ могъ довольствоваться самымъ малымъ. Наши заслуженные ученые, работающіе въ своихъ роскошныхъ кабинетахъ, не могутъ даже и представить себѣ той простоты, которою отличался кабинетъ Щапова и въ Казани, и въ Петербургѣ, и, конечно, въ Иркутскѣ. Маленькая комнатка, письменный столъ, заваленный книгами, бумагами и окурками сигаръ, два-три стула и кровать,—вотъ и все; книги на полу, книги на окнѣ, книги на стульяхъ и подъ кроватью. Въ одномъ изъ угловъ комнаты свалены три огромныхъ узла изъ простыней; это архивъ Щапова, въ которомъ лежатъ набросанныя на отдѣльныхъ листахъ и лоскуточкахъ его выписки изъ соловецкаго архива, лѣтописей и т. д. Когда Щапову нужна какая-нибудь справка, онъ хорошо знаетъ, въ которой простынѣ лежитъ она, развязываетъ узелъ и, сидя на корточкахъ, скоро отыскиваетъ необходимый листокъ. Этотъ человѣкъ, столько сдѣлавшій для литературы, этотъ труженикъ съ самыми скромными потребностями, этотъ блестящій талантъ нищенствовалъ въ Иркутскѣ и ему случалось голодать по цѣлому мѣсяцу, не имѣя возможности ѣсть ничего дру-

гого, кромѣ хлѣба съ чаемъ! Въ послѣднее время, впрочемъ, литературный фондъ далъ ему ежегодную пенсію въ 300 рублей. Но при иркутской дороговизнѣ эта пенсія могла дать возможность не голодовать—и только...

Щаповъ умеръ 27 февраля 1876 года, 45 лѣтъ отъ роду. При лучшихъ условіяхъ, сколько еще могъ жить, сколько еще могъ сдѣлать для литературы этотъ честный и въ высшей степени талантливый человѣкъ!

„Но рано пробилъ твой послѣдній часъ,
И вѣщее перо изъ рукъ упало,—
Какой свѣтильникъ разума погасъ,
Какое сердце биться перестало!“

С. Ш.